

Макаренко полагал, что воспитать человека — значит научить его:

1. Быть законопослушным.
2. Упорно трудиться.
3. Видеть завтрашнюю радость.
4. Уважать окружающих.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

| СОДЕРЖАНИЕ

Антон Семенович Макаренко.

«Отказаться от риска —
значит отказаться от творчества...».....5

«Коллектив является
воспитателем личности».....8

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА..... 10

Часть первая 10

Часть вторая..... 155

Часть третья.....209

Антон Макаренко.

Избранные афоризмы..... 317

Антон Семенович Макаренко
(1888–1939)

Антон Семенович
Макаренко.

«Отказаться от риска —
значит отказаться
от творчества...»

Имя Антона Семеновича Макаренко в нашей стране давно стало нарицательным: по отношению к педагогам фраза «да вы просто Макаренко!» может прозвучать как в качестве выражения глубокого почтения, так и саркастически — если человек, например, явно не соответствует идеалам великого советского педагога и писателя...

Антон Семенович Макаренко родился в Харьковской губернии в 1888 году, поступил в начальное железнодорожное училище, потом окончил Полтавский педагогический институт. Диплом получил в 1917 году — нужно ли описывать, какая была ситуация в стране? Начиналась Гражданская война. Разруха, смерть, лишения — и орды беспризорников, которые справедливо считались одной из главных

проблем первой половины 1920-х годов. Кривая преступности — и, что особенно страшно, преступности детской — резко шла вверх. И Макаренко стал одним из тех, кто взял на себя тяжелый труд: не просто внести свою лепту в борьбу с беспризорностью, но попытаться перевоспитать тех, чьи души уже были, казалось бы, необратимо погублены годами «русской смуты». В 1921 году им была организована трудовая колония неподалеку от Полтавы, вскоре получившая имя М. Горького...

Уже при жизни Антона Семеновича его заслуги как воспитателя и педагога были широко признаны. Правда, критики он все равно не избежал — и по сей день методы Макаренко, которые он сам подробно описывал в своих книгах, вызывают ожесточенные споры. Что допустимо, а что нет? Какие методы воспитания наиболее действенны? Всегда ли можно «спасти воспитанием» или бывают случаи, когда самый талантливый педагог уже не сможет ничего сделать? Давайте познакомимся с наследием великого педагога более подробно!

1 (13) марта 1888 — А. С. Макаренко родился в г. Белополье Харьковской губернии.

1905 — после окончания педагогических курсов Макаренко начинает работать учителем в Кременчуге.

1914–1917 — учеба в Полтавском учительском институте.

1920 — начало заведования трудовой колонией для несовершеннолетних правонарушителей в селе Ковалевка близ Полтавы.

1927 — Макаренко начинает руководить детской трудовой коммуной ОГПУ им. Ф. Э. Дзержинского.

1933–1935 — издание частей «Педагогической поэмы».

1934 — Макаренко становится членом Союза писателей СССР.

1937 — переезд в Москву. С этого момента А. С. Макаренко занимается в основном литературной деятельностью.

1938 — выходит книга «Флаги на башнях», наряду с «Педагогической поэмой» — одна из известнейших в наследии педагога.

1939 — А. С. Макаренко скоропостижно скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

«Коллектив является воспитателем личности»

Антон Семенович Макаренко писал свои книги более восьмидесяти лет назад, но поднятые в них вопросы злободневности не утратили. Взаимоотношения личности и коллектива, грани дозволенного и недозволенного, допустимость наказаний и степени доверия педагога и воспитанника...

«Педагогическая поэма», избранные главы из которой мы предлагаем вашему вниманию, начала издаваться по главам в 1933 году. В этой книге руководитель колонии имени М. Горького подробно описывает свой опыт «перевоспитывания» несовершеннолетних преступников и беспризорников при помощи принципов, которые сейчас считаются основой «системы Макаренко»: общественно-полезный труд, общее управление жизнью коллектива, доверие... и в то же время жесткая схема «можно и нельзя» и строгая ответственность.

Многих — и тогда, и сейчас — раздражала строгость педагогической системы, которую

разрабатывал Антон Семенович, много было сломано копий вокруг вопроса о том, можно ли вообще воспитывать путем строгих ограничений и коллективной взаимной ответственности? Но, возможно, лучшим ответом на этот вопрос будет тот факт, что в трудовой колонии Макаренко становились вполне уважаемыми членами общества те, на кого давно махнули рукой даже органы правопорядка. А также то, что, по мнению знаменитого педагога, воспитатель всегда должен начинать процесс воспитания с себя самого. И именно к себе предъявлять наиболее высокие требования.

Да, не все колонисты смогли победить себя и свернуть с «кривой дорожки». Но, согласитесь, даже несколько сотен, несколько десятков человек (или даже просто несколько человек), сумевших благодаря «системе «Макаренко» стать достойными людьми, — это уже немало. А в реальности их отнюдь не несколько десятков, а намного, намного больше. А уж на скольких людей оказала положительное влияние «Педагогическая поэма», вряд ли вообще можно подсчитать. И в наше беспокойное время с его смутными ориентирами изучение «Педагогической поэмы» Макаренко, возможно, станет для кого-то открытием.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

*С преданностью и любовью
нашему шефу, другу и учителю
Максиму Горькому*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разговор с завгубнаробразом

В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом вызвал меня к себе и сказал:

— Вот что, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно... вот что твоей трудовой школе дали это самое... губсовнархоз...

— Да как же не ругаться? Тут не только заругаешься — взвоешь: какая там трудовая школа? Накурено, грязно! Разве это похоже на школу?

— Да... Для тебя бы это самое: построить новое здание, новые парты поставить, ты бы тогда занимался. Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать, а вы, педагоги, саботируете все: здание не такое, и столы не такие. Нету у вас этого самого вот... огня, знаешь, такого — революционного. Штаны у вас навывпуск!

— У меня как раз не навывпуск.

— Ну, у тебя не навывпуск... Интеллигенты паршивые!.. Вот ищу, ищу, тут такое дело большое: босяков этих самых развелось, мальчишек — по улице пройти нельзя, и по квартирам лезят. Мне говорят: это ваше дело, наробразовское... Ну?

— А что — «ну»?

— Да вот это самое: никто не хочет, кому ни говорю — руками и ногами, зарежут, говорят. Вам бы это кабинетик, книжечки... Очки вон надел...

Я рассмеялся:

— Смотрите, уже и очки помешали!

— Я ж и говорю, вам бы все читать, а если вам живого человека дают, так вы, это самое, зарежет меня живой человек. Интеллигенты!

Завгубнаробразом сердито покалывал меня маленькими черными глазами и из-под

нищевских усов изрыгал хулу на всю нашу педагогическую братию. Но ведь он был неправ, этот завгубнаобразом.

— Вот послушайте меня...

— Ну, что «послушайте»? Ну, что ты можешь такого сказать? Скажешь: вот если бы это самое... как в Америке! Я недавно по этому случаю книжонку прочитал, — подсунули. Реформаторы... или как там, стой! Ага! Реформаториумы¹. Ну, так этого у нас еще нет.

— Нет, вы послушайте меня.

— Ну, слушаю.

— Ведь и до революции с этими босяками справлялись. Были колонии малолетних преступников...

— Это не то, знаешь... До революции это не то.

— Правильно. Значит, нужно нового человека по-новому делать.

— По-новому, это ты верно.

— А никто не знает — как.

— И ты не знаешь?

¹ Реформаториумы — учреждения для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, существовавшие в тот период в ряде стран. — *Прим. ред.*

- И я не знаю.
- А вот у меня, это самое... есть такие в губнаробразе, которые знают...
- А за дело братья не хотят.
- Не хотят, сволочи, это ты верно.
- А если я возьмусь, так они меня со света сживут. Что бы я ни сделал, они скажут: не так.
- Скажут стервы, это ты верно.
- А вы им поверите, а не мне.
- Не поверю им, скажу: было б самим братья!
- Ну а если я и в самом деле напутаю?
Завгубнаробразом стукнул кулаком по столу:
- Да что ты мне: напутаю, напутаю! Ну, и напутаешь! Чего ты от меня хочешь? Что я не понимаю, что ли? Путаю, а нужно дело делать. Там будет видно. Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек! Ты его сделай. Все равно, всем учиться нужно. И ты будешь учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо.
- А место есть? Здания все-таки нужны.

— Есть, брат. Шикарное место. Как раз там и была колония малолетних преступников. Недалеко — верст шесть. Хорошо там: лес, поле, коров разведешь...

— А люди?

— А людей я тебе сейчас из кармана выну. Может, тебе еще и автомобиль дать?

— Деньги?..

— Деньги есть. Вот получи.

Он из ящика стола достал пачку.

— Сто пятьдесят миллионов. Это тебе на всякую организацию. Ремонт там, мебелишка какая нужна...

— И на коров?

— С коровами подождешь, там стекол нет. А на год смету составишь.

— Неловко так, посмотреть бы не мешало раньше.

— Я уже смотрел... что ж, ты лучше меня увидишь? Поезжай — и все.

— Ну, добре, — сказал я с облегчением, потому что в тот момент ничего страшнее комнат губсовнархоза для меня не было.

— Вот это молодец! — сказал завгубнаробразом. — Действуй! Дело святое!

Бесславное начало колонии имени Горького

В шести километрах от Полтавы на песчаных холмах — гектаров двести соснового леса, а по краю леса — большак на Харьков, скучно поблескивающий чистеньким булыжником.

В лесу поляна, гектаров в сорок. В одном из ее углов поставлено пять геометрически правильных кирпичных коробок, составляющих все вместе правильный четырехугольник. Это и есть новая колония для правонарушителей.

Песчаная площадка двора спускается в широкую лесную прогалину, к камышам небольшого озера, на другом берегу которого плетни и хаты кулацкого хутора. Далеко за хутором нарисован на небе ряд старых берез, еще две-три соломенные крыши. Вот и все.

До революции здесь была колония малолетних преступников. В 1917 году она разбежалась, оставив после себя очень мало педагогических следов. Судя по этим следам,

сохранившимся в истрепанных журналах-дневниках, главными педагогами в колонии были дядьки, вероятно, отставные унтер-офицеры, на обязанности которых было следить за каждым шагом воспитанников как во время работы, так и во время отдыха, а ночью спать рядом с ними, в соседней комнате. По рассказам соседей-крестьян можно было судить, что педагогика дядек не отличалась особой сложностью. Внешним ее выражением был такой простой снаряд, как палка.

Материальные следы старой колонии были еще незначительнее. Ближайшие соседи колонии перевезли и перенесли в собственные

« *Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек!* »

хранилища, называемые коморами и клунями, все то, что могло быть выражено в материальных единицах: мастерские, кладовые, мебель. Между всяким

добром был вывезен даже фруктовый сад. Впрочем, во всей этой истории не было ничего, напоминающего вандалов. Сад был не вырублен, а выкопан и где-то вновь насажен, стекла в домах не разбиты, а аккуратно